

*Джерри — с любовью.
За его поддержку,
а главное, за то, что он во мне
никогда не сомневался.*

Благородные воины рождены
для битв, а сражения возвышают
тех, кто предается им без трусости
и страха.

*Жан Фруассар**

Пролог

1086 год, Англия

Рыцарь в молчании готовился к сражению. Он сидел верхом на деревянном табурете, вытянув мускулистые ноги, а слуга натягивал на него кольчужные чулки. Потом рыцарь встал, и другой слуга надел на него тяжелую броню поверх толстой стеганой рубашки из хлопка. Наконец он поднял руки, чтобы дать возможность прикрепить к металлической петле на поясе драгоценный меч — дар самого Вильгельма**. Мысли рыцаря витали далеко: он не думал ни о своем облачении, ни о том, что его окружало. Он размышлял о предстоящем сражении, о тактике, которую следует избрать, чтобы добиться победы.

Неожиданные раскаты грома вывели его из сосредоточенной задумчивости. Откинув полог шатра, рыцарь долго смотрел на затянутое тяжелыми тучами небо.

Слуги, боясь прервать раздумья своего господина, занимались каждый своим делом.

...Наконец облачение было завершено. Быстрыми, широкими шагами рыцарь вышел из шатра и, вскочив на мо-

* Жан Фруассар (ок.1337 — после 1404) — французский хронист, поэт.

** Имеется в виду Вильгельм I Завоеватель — предводитель норманнов во время завоевания Британских островов в 1066 году. — *Примеч. пер.*

гучего боевого коня, не оглядываясь, поскакал прочь от лагеря в сторону леса.

Перед сражением хотелось побыть одному.

Лес манил свежестью и покоем. Рыцарь продирался сквозь низко свисающие ветви деревьев, не обращая внимания на фыркающего коня, которому явно не нравилась такая прогулка.

Вскоре, преодолев некрутой подъем, воин натянул поводья. В низине его взору предстало имение.

При мысли о том, что изменники обосновались в замке, его сердцем вновь овладела ярость, но рыцарь быстро взял себя в руки. Мечь свершится, и он вернет свои владения. И только тогда он позволит выплеснуться ярости. Только тогда и не раньше.

Воин, очарованный величественной картиной, не мог оторвать глаз от поместья: толстая, неровная стена в двадцать футов замыкала в себе многочисленные строения. С трех сторон замок омывала река, и это особенно радовало рыцаря — проникновение с воды казалось почти невозможным. Главные здания, выложенные из камня, фасадами выходили на огромный двор. На лице воина промелькнуло выражение упрямой уверенности: очень скоро он сделает замок неприступным. То, что случилось, не должно повториться!

Темные грозовые облака в попытке затмить восходящее солнце образовали серую изогнутую борозду. Ветер наполнял округу всевозможнейшими звуками: порывистый вой, перемежавшийся с низкими, свистящими стонами, привел черного коня в дрожь, но всадник властно стиснул его бока каблуками, и животное успокоилось.

Рыцарь вновь поднял голову — клубящиеся тучи были уже прямо над ним. Казалось, на землю вот-вот опустится ночь.

— Погода не умиротворяет мой дух, — пробормотал он. Уж не дурной ли это знак? Предвзвешивания не были чужды воину, хотя он всегда смеялся над теми, кто перед каждым сражением суеверно отмечал приметы: как-то окончится битва?

Он, в который уже раз, вернулся к плану сражения. Нет, как будто каждая деталь отработана, все продумано. И все-таки что-то беспокоило. Но что?..

Огненная вспышка молнии вывела воина из задумчивости, он натянул поводья, поворачивая коня назад, к лагерю, как вдруг увидел ее.

Стоя на соседнем холме, она, казалось, смотрела на него в упор. Но вскоре рыцарь понял, что это было не так: ее взгляд был устремлен на замок, его замок.

Незнакомка очень прямо держалась в седле. Вокруг ее лошади в яблоках кружили непонятной породы собаки, статью напоминавшие волков. Длинные белокурые волосы хрупкой всадницы рассыпались по плечам. И даже с такого расстояния было заметно, как белая ткань туники под порывами ветра облегает округлые формы груди.

Всадник вряд ли мог дать объяснение тому, что увидел. Одно было ясно: такой красавицы он раньше не встречал.

Неожиданно рыцарь увидел ястреба. Тот несся очень низко над землей, и, что больше всего встревожило его, птица явно устремилась к прекрасной даме. Но та не испугалась, а, когда ястреб закружил прямо у нее над головой, даже помахала ему рукой, словно приветствуя старого друга.

Рыцарь на мгновение зажмурился, а когда снова открыл глаза, видение исчезло. Он тронул лошадь. Надо поспешить к ней.

Через несколько минут всадник уже был на соседнем холме, но все напрасно — девушка-виде-

ние исчезла. «Да, это было лишь видение, доброе предзнаменование перед сражением», — подумал воин.

В лагерь рыцарь возвращался в приподнятом настроении. Его люди уже были в седлах и ждали только приказа. Он одобрительно кивнул и потребовал копьё и щит с гербом.

Слуги бросились к господину — вдвоем с тяжелым щитом — и встали рядом, ожидая, когда он примет оружие. Но, к их смущению, рыцарь медлил, только уголки губ тронула едва заметная улыбка. А потом сделал то, что удивило не только слуг, но всех ратников: наклонился и указательным пальцем обвел вырезанный на щите силуэт ястреба.

Затем откинул голову и, раскатисто рассмеявшись, без видимых усилий поднял левой рукой щит, а правой — копьё.

Глава 1

Длинные, тонкие пальцы солнечных лучей коснулись земли, ознаменовав наступление нового дня.

Прислонившись к ветхому дверному косяку, несколько долгих минут Элизабет наблюдала за появлением солнца. Потом вышла из хижины.

Высоко над деревьями, распластав крылья, парил ястреб.

Заметив девушку, птица ринулась к земле и с пронзительным криком и громким хлопанием крыльев уселась на ближайший валун.

— Вот и ты, мой гордый друг, — мягким голосом поприветствовала ястреба девушка. — Сегодня что-то рано. Тоже не спится?

Она нежно улыбнулась птице и протянула навстречу правую руку так, что ладонь оказалась чуть выше пояса. — Садись.

Ястреб, склоняя голову то на один, то на другой бок, не сводил с ее лица пронизывающего взгляда, из горла полились клекочущие звуки. Бархатные глаза казались дикими и злыми, но Элизабет это не испугало. Доверчиво глядя на птицу, она вновь позвала ее. Ястреб вмиг опустился на обнаженную руку хозяйки.

От прикосновения длинных и острых, как клинки, когтей не было больно. Девушка знала, что птица не поранит ей кожу.

— Ну что мне с тобой делать? — Голубые глаза Элизабет искрились весельем. — Растолстел, дружок, обленился. Я тебя выпустила, а ты отказываешься от свободы. Если бы только люди так же хранили преданность, как ты, моя верная птичка. — Радость ее внезапно сменилась всепоглощающей печалью.

Вдруг тишину нарушил стук копыт.

— Лети! — быстро сказала Элизабет.

Ястреб взмыл в небо. Девушка бросилась к лесу, на бегу окликая волкодавов. В ее голосе слышался страх.

Собаки подоспели в тот самый момент, когда она застыла за толстым стволом ближайшего дерева. Элизабет подала им знак замереть. Ее сердце бешено колотилось, она напряглась в ожидании.

Везде рыскали мародеры, целые банды бездомных бродяг и безродных нищих, и всякий осмелившийся выйти за пределы своего жилища рисковал подвергнуться грабежу и насилию. Элизабет ругала себя за то, что не захватила из дома кинжал.

— Миледи!

Сквозь пелену страха сознания достиг голос верного слуги, и Элизабет почувствовала облегчение. Подавшись вперед и склонив голову, она никак не могла отдышаться.

— Миледи! Это я, Джозеф! Вы здесь?

Тревожные нотки заставили ее поспешить из укрытия. Элизабет обошла дерево, юркнула за спину слуги и дрожащей рукой похлопала по сутулому плечу старика.

От неожиданности Джозеф подпрыгнул и, что-то воскликнув, быстро обернулся, чуть не сбив госпожу.

— Ух, у меня прямо сердце оборвалось, — проворчал было он, но, заметив, что миледи сама напугана, улыбнулся беззубым ртом. — Уж такое у вас красивое личико, что, если даже когда и хмуритесь, я размякаю.

— Ах ты, старый плут, — усмехнулась Элизабет.

Слугу, как всегда, пленил ее чарующий, с хрипотцой голос. Джозеф проследил взглядом за тем, как девушка направилась к хижине. В который уже раз старик удивился, что ее красота до сих пор способна его поражать, — а ведь он знал госпожу с самого младенчества.

— Заходи, выпей со мной чего-нибудь. А кстати, что привело тебя сюда сегодня?

Элизабет встрепелась.

— Я ведь не перепутала? Сегодня ты не должен был привозить мне еду. Или мне изменило чувство времени?

Джозеф, уловив в ее голосе отчаяние, захотел обнять и утешить свою любимицу. Но это было невозможно: Элизабет оставалась его госпожой, а он ее смиренным слугой.

— Скоро месяц, как моя семья...

— Не надо об этом, миледи. Не терзайте себя и не раздражайтесь. У вас светлая голова. Я приезжал два дня назад, а сегодня я приехал, чтобы сообщить вам важное известие и предложить план.

— Но если ты снова посоветуешь мне ехать к бабушке, знай, что напрасно приехал сюда. Ответ будет тот же. Никогда! Я останусь здесь до тех пор, пока не найду способа отомстить за убийство родных. Я дала клятву!

Она в упор смотрела на старика. Упрямо вздернутый подбородок подтверждал решительность. Не выдержав сквозящего в ее взгляде ледящего холода, Джозеф опустил глаза.

Элизабет сложила руки на груди и ждала.

— Так что же ты, говори, — уже мягче продолжала она. — Радуйся, что я отправила в безопасное место малютку Томаса. Но этого вполне довольно.

Однако слуга ответил вовсе не то, что она ожидала услышать. Сгорбившись сильнее обычного, старик прочистил горло:

— Злодеев больше нет.

— Нет? Что ты хочешь сказать? Как это может быть? Куда они подевались? — С каждым вопросом Элизабет повышала голос, не замечая, что, ухватившись за плащ, немилосердно трясет верного слугу.

Джозеф попытался осторожно высвободиться:

— Помилосердствуйте, госпожа! Войдем в дом, и я расскажу все, что знаю.

Кивком головы девушка дала понять старику, что согласна, и попыталась успокоиться — хозяйке не пристало так вести себя со слугой. Но разум отказывался подчиняться: оставшиеся без ответов вопросы вызвали целую бурю противоречивых чувств.

Хижина состояла из единственной комнаты. Мебели почти не было. Элизабет устроилась на краешке одного из двух деревянных стульев и наблюдала, как старик разводит огонь в очаге.

Казалось, минула целая вечность, прежде чем слуга уселся напротив.

— Все произошло вскоре после того, как я уехал отсюда. В тот самый день, когда разразилась гроза. Я увидел их с холма. В туче пыли всадники, а их было человек двести, неслись прямо к замку и выглядели непобедимой силой. Да что говорить, я прямо чувствовал, как земля под копытами лошадей дрожит. Их предводителя я распознал сразу — он без шлема ехал впереди. По тому, как нападающие взломали ворота и ворвались внутрь, я понял, что они даже не сочли нужным застать врага врасплох — на неожиданность удара они не рассчитывали. Любопытство заставило меня отбросить всякую предо-

сторожность, и я выбрал наблюдательный пункт получше. К тому времени предводитель расставил свое войско полукругом и, прикрываясь щитами, они пошли в атаку. Вот это было зрелище! Стоило посмотреть, как он бьется: гигант, с огромным мечом — такой обыкновенным людям двоим поднять не под силу, — уложил очень многих. Тогда-то и разразилась буря...

— Они прибыли от лорда Джеффри? — Элизабет произнесла вопрос шепотом, но Джозеф расслышал.

— Да, это были люди лорда Джеффри. Вы ведь знали, что он должен послать воинов.

— Разумеется, я это понимала, — вздохнула девушка. — Отец был вассалом лорда Джеффри, а господин всегда востребует назад то, что принадлежало ему. Но мы не отправляли лорду Джеффри никаких вестей. Разве он мог прибыть так быстро?

— Не знаю, — признался слуга.

— Белвейн! — Имя криком отчаяния сорвалось с девичьих губ.

Элизабет вскочила и принялась нервно расхаживать по хижине.

— Ваш дядя? — удивился старик. — Но ему-то зачем...

— Конечно, он, — прервала слугу госпожа. — Мы оба прекрасно понимаем, что именно дядя стоит за убийством моей семьи. И он же кинулся к лорду Джеффри. Боже мой, предал своих, чтобы заслужить его милость. Какую же ложь он там наговорил?

Джозеф покачал головой:

— Я всегда знал, что он нехороший человек, но чтобы докатиться до такого...

— Мы проиграли, Джозеф. — Голос девушки задрожал. — Лорд Джеффри поверит рассказам дяди.

Меня и Томаса передадут в руки Белвейна, и То-

маса тут же убьют. Ведь дядя лишь тогда станет полноправным господином в нашем доме, когда умрет мой маленький братик. Только тогда.

— Но лорд Джеффри может разрушить планы Белвейна, — предположил слуга.

Элизабет покачала головой:

— Сама я ни разу не видела лорда Джеффри, но слышала, что характер у него бешеный, а временами вовсе несносный. Нет, он мне не поверит.

— Миледи... — начал было снова слуга.

— Если бы речь шла только обо мне, — прервала его Элизабет, — я не задумываясь отправилась бы к господину. Все должны знать о злодеяниях Белвейна. Но мне следует оберегать Томаса. Дядя думает, что мы оба мертвы.

Девушка мерила комнату большими шагами.

— Я приняла решение, Джозеф. Завтра мы отправляемся в Лондон, к дедушке.

— А как же Белвейн? — Старик весь напрягся, страшая услышать ответ. Он слишком хорошо знал характер своей госпожи: Элизабет не простит дяде злодеяний.

— Я его убью.

В хижине воцарилась тишина. В очаге зашипело и затрещало полено. Холод пробрал старика до костей. Он не сомневался, что хозяйка сдержит слово. Но не все еще новости ей были известны. И, сцепив на коленях высохшие ладони, Джозеф быстро договорил:

— Люди Джеффри захватили Томаса.

Элизабет остановилась так резко, точно натолкнулась на препятствие.

— Не может быть! Сейчас он уже у дедушки. Ты сам отправил его с Роландом. Тут, без сомнения, ка-

14 кая-то ошибка.

— Нет, миледи. Я видел его в замке собственными глазами. Томас спал у огня, и это был именно он. Мальчика там считают немым, — заметив, что госпожа его вот-вот перебьет, Джозеф предостерегающе поднял руку и быстро продолжил рассказ: — Как он там очутился, не знаю. Люди Джеффри мне ничего не сказали. Ясно только одно: они еще не поняли, кто этот мальчик, но заботятся о нем хорошо, несмотря на то что человек, спасший Томасу жизнь, при смерти.

— Джозеф, ты говоришь загадками! Кто еще при смерти? — В отчаянии Элизабет убрала со лба мешавшую прядь золотистых волос.

Слуга тяжело вздохнул и, прежде чем объяснить, в чем дело, подергал себя за длинную бороду.

— Во время сражения их предводителя ранили в голову. Теперь, говорят, он умирает.

— А зачем тебе понадобилось рисковать и идти в имение?

— Мейнард, главный конюх, сообщил, что мальчик в замке, и я хотел убедиться в этом, — объяснил слуга. — Узнав, что предводитель людей лорда Джеффри при смерти, я отыскал его помощника. — Джозеф снова прокашлялся. — Мне в голову пришел замечательный план. Я сообщил ему, что могу привести опытного лекаря, но с одним условием: когда их предводителю полегчает, лекарь беспрепятственно покинет замок. Сначала воин заартачился, сказал, что не обязан давать никаких обещаний, но я не сдавался, и он в конце концов согласился.

Элизабет внимательно слушала, потом сердито возразила:

— А если предводитель не поправится? Что тогда?